

18 марта 1978

20 марта исполняется 70 лет актеру Челябинского драматического театра им. С. М. Цвиллинга заслуженному артисту РСФСР Владимиру Яковлевичу Коноплянскому. Сыгравший за полвека почти 300 ролей актер и сейчас остается одним из наиболее «занятых», как говорят в театре. Многие созданные им образы получили заслуженное признание публики. А роль профсоюзного босса в спектакле по пьесе Б. Ясая «Бал манекенов» была отмечена дипломом фестиваля польской драматургии в СССР. Эта роль — одна из последних работ В. Я. Коноплянского. Встречая свой юбилей, актер полон новых творческих замыслов.

— Владимир Яковлевич, как складывался ваш путь в искусство?

— Не прямо и с отступлениями. Я вспоминаю весну 1930 года, когда впервые вышел на сцену Нижнетагильского музыкально-драматического театра. То, что я начал свою трудовую жизнь на сцене — произошло случайно, а вот что сцена эта оказалась сценой музыкально-драматического театра, не случайно. В то время я учился в Томском технологическом институте. Как видите, я не чувствовал никакого особого призвания, стойкого интереса к какой-то одной области человеческой деятельности не было. Правда, было и у меня увлечение — музыка, а точнее — композиция. В выпускном классе школы написал даже одноактную оперу «Октябрь» и исполнил в спектакле партию Октября. Это увлечение музыкой не прошло без следа. Уже будучи актером Кемеровского театра, написал музыку к нескольким театральным спектаклям. Помню первый свой опыт — музыку к спектаклю «Хижина дяди Тома». Мне тогда пришлось стать за дирижерский пульт, так как в театре я выполнял еще и обязанности руководителя музыкальной части. «Наконец-то, — подслушал в антракте музыкантов, — мы почувствовали твердую дирижерскую руку». Я вообще-то люблю и ценю хорошую шутку, вы, наверное, обратили внимание, что я с большой охотой играю роли гротескные, сатирические, но до сих пор подзреваю, что оценка моих дирижерских способностей была сделана всерьез.

Впрочем, в свое время я прошел и более серьезный творческий конкурс «по музыкальной части». Он-то и вывел меня на театральную сцену. Я был тогда молод и легко принимал решения. И когда получил от одной знакомой балерины телеграмму из Нижнего Тагила, оставил институт и уехал на Урал. В телеграмме, помнится, было несколько слов: «Приезжай, нужны басы».

Приехал на Урал, выдержал творческий конкурс и стал петь в хоре. После Нижнетагильского театра работал в Барнауле, Анжеро-Судженске, Кемерово. Театры были разные: драматические, музыкальные, даже театр-сатиры. Был же и такой в Кемерово. Перед самой войной работал в русском театре в Белоруссии. Там и захватила война.

— Чем запомнился этот период жизни?

— Помню тяжелые дни, когда мы шли пешком из Минска в Могилев под постоянными бомбежками и обстрелами с воздуха немецкой авиации. После непродолжительной остановки в Ленинграде я был эвакуирован в Иркутск «до особого распоряжения». Здесь я «задержался» на двадцать лет. Играл в ТЮЗе. Это были годы плодотворные и незабы-

♦ СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ

Жизнь на сцене

ваемые. Шла война, а театры работали с аншлагами. Мне никогда не забыть чуткую, благодарную, жадно впитывающую все новое, публику военных лет. Эти годы подарили мне встречи с замечательными режиссерами и актерами. Назову только одну фамилию — заслуженного артиста РСФСР Леонида Броневго, который в те годы работал в Иркутском драмтеатре. В последние годы судьба снова неожиданно, хоть и заочно, свела нас. Мы исполнили одну и ту же роль шефа гестапо Мюллера. Леонид Броневгой — в телефильме «Семнадцать мгновений весны», я несколькими годами раньше — в спектакле Челябинского драматического театра, где работаю вот уже шестнадцать лет.

— Что вы можете сказать о назначении актера, как вы относитесь к актерскому амплуа?

— Я считаю, что актер занимает одно из важных мест в той раскладке профессий, которые образовались в течение многовековой эволюции человеческого общества. А древность нашей профессии говорит о том, что актер, театр удовлетворяют художественную, эстетическую потребность человека, столь же необходимую, как потребность в пище. Многие профессии долгое время оставались уделом кустарей-одиночек, а театр со дня своего рождения стал коллективным «производством». Может быть, поэтому в театре так рано произошла «специализация», то что называют актерским амплуа.

Но в наше время, кажется, преобладает точка зрения, что актер должен быть разноплановым. Я считаю, что амплуа — это основная волна, которая отражает индивидуальность актера.

За свою жизнь я встречался с разными актерами. Одни играют себя в предлагаемых обстоятельствах, другие в каждой роли перевоплощаются. Последняя задача мне кажется и более трудной, и более интересной. К сожалению, за перевоплощение порой принимают лишь внешнее изменение актерского облика. Но вот приглядеться хотя бы к игре И. Смоктуновского. Он работает почти без грима, но его трудно узнать в новой роли, потому что меняется как бы сама структура мышления актера. Я не хочу сказать, что актеры второго типа выше, чем актеры — индивидуальности. Главное, актер должен вызывать не только к разуму

зрителя, а и к его сердцу. И возбужденные в зрителях чувства должны будить мысль.

Я люблю играть роли разноплановые, создавать образы трагедийные и веселые, вскрывающие психологические глубины человека и рисующие людей импульсивных. Люблю юмор и стараюсь везде находить его, «вытаски-

вать» его. Люблю роли отрицательные, в них есть возможность разоблачения тех недостатков, которые мешают нам жить. Создавая тот или иной отрицательный образ, я всегда думаю, что утверждаю положительное, но, как говорится, методом «от противного».

— Владимир Яковлевич, за долгую творческую жизнь у вас была возможность наблюдать, как изменялся театр. Что вы можете сказать о современном уровне театрального искусства, и в частности о Челябинском театре?

— О Челябинском театре я слышал всегда много хорошего. Здесь всегда работали и работают талантливые актеры и режиссеры. В последние годы Челябинский театр переживает, как мне кажется, подъем. Такие спектакли, как «Ночь после выпуска», «Бал манекенов», «Беседы при ясной луне» и другие, постоянно идут с аншлагами, на них невозможно купить билет. Зал заполняет публика, которую приводит в театр глубокий интерес. Эта публика требует полноценных, высокохудожественных спектаклей. Нелегко работать на уровне тех критериев, которые предъявляет она современному театру, и отсюда, что наш театр отвечает таким критериям.

В Челябинском драматическом театре я сыграл много ролей в спектаклях, которые считаю любимыми. Это и «Старомодная комедия», и «Варвары», и «Конармия», и «Бал манекенов». Конечно, бываю и в нашей работе неудачи, бываю и нелюбимые роли, и пустой зал, и тогда чувствую себя, как белка в колесе за никому не нужной работой. Но в целом годы работы в Челябинском театре принесли мне большое удовлетворение и радость полноценного творческого труда.

Театральное искусство развивается. Вроде бы совсем недавно горячо спорили о мюзиклах, боялись, что мюзикл погубит драматический театр,

— Вот передо мной лежит программка последнего премьерного спектакля в нашем театре «...Забудь Герострата». В ней мы находим и ваше имя, Владимир Яковлевич. Уверены, что и будущие премьеры в театре еще много лет будут проходить с вашим участием. Позвольте в связи с юбилеем передать вам поздравления читателей «Челябинского рабочего», всех поклонников вашего таланта, пожелать вам здоровья и новых творческих успехов.

На снимке: заслуженный артист РСФСР В. Я. Коноплянский.

Фото М. ПЕТРОВА.

но прошло время, и мюзикл занял в театре свое место. Эта новая форма вошла в арсенал театральных средств.

Я думаю, что такое же здоровое отношение установится рано или поздно и к современной условной сценографии. Сейчас считается особым достижением оформлять все спектакли на один манер — очень условно и символично. Художники объясняют это тем, что они хотят отразить в оформлении некий образ спектакля. А ведь этот «образ» создается всеми слагаемыми театрального представления, и прежде всего актерской игрой. Зритель должен поверить актеру, а разве это возможно, если сам актер чувствует себя «неудобно», когда свисающие вокруг канаты на пустой сцене изображают сад. Как-то я смотрел «Вишневый сад» в Художественном театре. Сидел и думал: да, на такой сцене любой станет артистом. Видно, как занавеску колышет ветер, слышно, как капает дождевая вода с крыши... Условное оформление на сцене едва ли нужно и зрителю. Ведь до чего мы его довели? Зритель стал радоваться, когда увидел на сцене обыкновенную комнату. Едва открывается занавес в «Бале манекенов» или «Егоре Булычове», как зрители аплодируют такому оформлению.

А. ЛЕОНОВ.